

Выбор

Вячеслав Дегтев
Посвящается Юрию Бондареву

Он был с Дона, она — с Кубани.

Он служил гранатометчиком, она — в полевой пекарне.

У него в прошлом было много чего разного, в основном неприятного, что сейчас, на войне, казалось несущественным: работа, жена, семейные дразги.

У нее где-то в Армавире, говорили ребята, осталась старушка-мать, которую не на что было лечить, потому и поступила она в армию хлебопеком. Восемьсот рублей в день «боевых» — где их, такие деньги, в России заработаешь?

Они не обмолвились ни единым словом друг с другом — она нарезала хлеб, он подходил к раздаче в очереди таких же, как сам, грязных, пропотевших солдат, и молодых безусых «срочников», и угрюмых в основном «контрактников», у которых у каждого была в жизни какая-нибудь трагедия (от хорошей жизни на войну не вербуются), подходил, молча брал свою пайку, любил он с поджаристой корочкой, даже чтобы чуть-чуть хлеб был подгорелый, и она в последнее время стала оставлять ему именно такой.

Она молча клала в его огрубелую ладонь пышущий жаром пышный пахучий хлеб, пальцы их соприкасались, они вскидывали друг на друга глаза — у него они были серые, стального, немного зеленоватого цвета, у нее — карие, выпуклые, как у породистой преданной собаки; в последнее время глаза у нее сделались отчего-то золотистые и с янтарным оттенком. Вот и все было их общение.

Он знал, что зовут ее Оксана, редкое по нынешним временам имя. Она, конечно же, имени его не знала. Да и зачем ей, молодой и красивой, имя какого-то гранатометчика в потертом бушлате и с проседью, «дикого гуся», «пса войны», сбжавшего на эту непонятную необъявленную войну от нужды, беспросветности и тоски.

Нет, кажется, раза два он сказал ей: «Спасибо!», а она ответила: «Пожалуйста!» Вот теперь уж точно — все!

Да, несколько последних лет он не жил — существовал. В тоске и беспросветности. Он не верил больше женщинам. Казалось, все они сделались шлюхами, падкими на деньги, тряпки и удовольствия. Телевизор с рекламой прокладок, безопасного секса, Багам, Канар и французского парфюма сгубил русскую бабу. Вместо того чтобы мечтать о детях, они теперь мечтают о колготках от Версачи. И с некоторого времени он стал рассуждать совсем как эти «звери», с которыми приходилось сейчас воевать: русские женщины продажные, живут даже с неграми («лишь бы человек был хороший»), и потому нет у нас будущего и весь народ обречен на вымирание.

Он был согласен с этим, как это ни прискорбно. В прошлом служил он в милиции участковым и посмотрелся такого, что даже не рисковал никому рассказывать — не поверят. Он любил свою жену-пианистку, она же считала его неровней себе, не парой, а потому спуталась с каким-то плюгавым настройщиком роялей и постоянными вздорными заявлениями в УВД сначала вынудила начальство отобрать у него, заядлого с 16 лет охотника, ружье, которым он будто бы ей угрожал, затем лишить его табельного оружия, а потом и уволить из «органов». Квартиру, которую он заработал, разделила, но ключи не

отдавала, жила в ней одна. Он помыкался, помыкался, то у родителей, то где придется, и пришлось соглашаться на то, что она ему предложила (и то спасибо соседям, засовестили ее), и досталась ему после разъезда конура — в прямом смысле, без всяких кавычек. Ах, как тоскливо и горестно бывало ему в той конуре, особенно вечерами! Одно оставалось — выйти, взять бутылку. Пока деньги были...

А тут началась война. И ноги как-то сами собой принесли его к казачьему атаману, а потом в военкомат, и взяли его на войну, и направили в отдельный казачий полк по армейской специальности и с армейским званием — гранатометчиком и младшим сержантом.

Так и служил он уже второй год, бывший старший лейтенант милиции, младшим сержантом. За это время он сделался настоящим «псом войны». Уже не являлись ему во сне убитые им «звери», уже не дрожали в бою руки. Недавно пришлось пристрелить своего — уж очень парень был труслив, чуть что — сразу же у него паника, в бою своим несдержанным поведением чуть всех не угробил, пришлось под шумок щелкнуть его в затылок. А то еще на днях приезжал в полк известный своими мерзкими интервью с так называемыми «полевыми командирами» один московский журналюга — этого педика просто подставили под пули те, кого он воспевал, после чего некоторые сослуживцы, даже офицеры, подходили к нему и молча жали руку. Что ж, на то она и война.

Вот такая теперь была у него жизнь.

Но в последнее время суровая его жизнь стала скрашиваться присутствием Оксаны в их полевой походной пекарне.

Оксана как-то выступала на День Победы перед солдатами. Среди прочей самодеятельности она плясала чечетку, или, как называют специалисты, степ. Когда-то в прошлом она занималась в танцевальном кружке при Доме пионеров и в тот день, в святой для всякого русского День Победы, решила, видать, потряхнуть стариной. На ней были блестящие хромом сапожки, которые полковые умельцы подбили так, что они и звенели медными подковками, и скрипели вложенной между стелек берестой.

Ее стройные, немного полноватые в икрах ножки так и мелькали, так и носились по дощатой сцене — стоял топот, стук, скрип, а солдаты сидели кто на чем, некоторые — раскрыв от восхищения рот, сидели и смотрели на это чудо, и не один, верно, плоховато спал в ту ночь.

Да, она была настоящая королева их полка. Многие вздыхали, некоторые даже пытались чего-то там предпринимать, да только без толку. Как истинная казачка, она знала себе цену, строго держала себя. Поэтому он даже и не пытался...

И вот сейчас ее внесли на носилках двое дюжих измазанных глиной десантников. Внесли в подвал-бомбоубежище, где когда-то выращивали шампиньоны (ими до сих пор еще тут кисловато пахло), а теперь оборудован был полевой госпиталь и где он получал индивидуальные аптечки на весь взвод.

Она была по самый подбородок укрыта окровавленным то ли пледом, то ли ковром, то ли одеялом. Среди раненых и медобслуги пополз шумок: «звери» обстреляли хлебовозку, где, случалось, и сами получали дармовой хлеб.

Ее положили возле печки-буржуйки, в которой гудело замурованное пламя и наносило тополевым горьковатым дымком, который будил в памяти осенние субботники и запах сжигавшейся листвы.

Глаза ее горели каким-то странным, лихорадочным, янтарным огнем. В них прямо-таки плескался непонятный и потому страшный пожар. Он подошел к ней. Она угадала его и улыбнулась.

— А-а, Роман! Здравствуй!

Он удивился: откуда знает его имя? Ведь они не знакомились. Они даже ни разу не поговорили. «Спасибо». — «Пожалуйста» — вот и все! Она пекла хлеб для всего полка. Он был одним из трех тысяч солдат. Все солдаты на одно лицо. Но на душе сделалось так тепло и так легко, хоть пой, хоть скачи козленком.

— Видишь, как меня? — продолжала говорить она. — Ну ничего, это ведь не страшно. И не надолго. Мы еще потанцуем. Ведь правда, Рома?

— Конечно, конечно. Ты только не говори много. Береги силы. Потом мы с тобой наговоримся. И натанцуемся. Ты еще покажешь класс — в своих скрипучих сапожках-то...

— Сапог, сапог! — Она схватила его за руку, притянула к себе, приложила ладонь к своей щеке — щека горела огнем! — зашептала свистящим полушепотом, с перехватом дыхания: — Слушай, будь другом... Я стеснялась этих ребят-санитаров, чужие люди, а тебя попрошу, будь другом, сними с меня левый сапог — жмет, вражина, мочи нету! Или разрежь его, что ли, а?

Он кивнул и приподнял край задубевшего от крови одеяла.

Ног у нее не было по самые колена.

Его бросило в жар. Он еле сдержался, чтоб не отшатнуться. Стоящая у бетонного столба молоденькая медсестра, помогавшая размещать раненых, чуть слышно вскрикнула, увидев это, и заткнула рот воротом халата, испачканного кровью, грязью, зеленкой.

Он медленно опустил край одеяла (или ковра?), поправил его и приблизился к ее лицу. В глазах Оксаны, оглушенных промедолом, прочитал облегчение, будто сапог и в самом деле перестал мучить.

В подвале сразу же отчего-то сделалось тихо. Так тихо, что слышен стал лязг и звон инструментов за ширмой, где готовили стол для операции.

— Знаешь что, Оксана дорогая? — сказал он хриловато, но твердо. — А выходи-ка ты за меня замуж, — закончил он и словно груз сбросил.

Она широко распахнула глаза. В них были слезы.

— Что? Замуж? — Сейчас в глазах уже плескалась радость. Да, радость! Радость золотая, неподдельная. — Я знала, что ты рано или поздно заговоришь со мной. Я знала... Но замуж?! — И тут же промелькнуло недоверие в ее тоне, даже настороженность появилась в интонации. — Но почему именно сегодня, именно сейчас?

— Боюсь, что завтра... я не осмелюсь. Так что сейчас решай.

Она коснулась его темной загорелой руки. Закрыла янтарные свои прекрасные от счастья глаза и прошептала:

— Какой ты... Ведь правда, все у нас с тобой будет хорошо? Меня сейчас перевяжут, и мы с тобой еще станцуем на нашей свадьбе... Ах, как я счастлива, Ромка!

У бетонного столба стояла молоденькая медсестра и беззвучно плакала.

В подвале висела звонкая, чистая, прямо-таки стерильная тишина, запах грибов куда-то пропал, и лишь горьковато припахивало от печки тополевыми поленьями...